

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

С.Д. Мухоплёва

DOI: 10.25693/SVG.2022.40.3.0010

УДК 398.8(=512.157)

Рукопись якутской народной песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» как уникальный документ*

Научная новизна. В статье поднимается вопрос уникальных фольклорных записей народов Сибири и Дальнего Востока. В качестве объекта исследования выбрана не вошедшая в научный оборот архивная запись якутской народной песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня», которая была зафиксирована фольклористом С.И. Боло во время Вилюйской экспедиции 1938 г. Учитывая то, что уникальные фольклорные рукописи вызывают недоверие специалистов, в статье доказывается подлинность записи, что указывает на надежность песенного текста как научного источника, правомерность его последующего издания и историко-фольклорного изучения.

Цель и задачи. Статья посвящена разработке одной текстологической проблемы фольклора, в связи с чем перед автором стояла определенная цель – показать научную достоверность исследуемого уникального документа путем его научного описания. В силу этого содержательная часть рукописного текста *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» нами только затрагивается. В задачи входило рассмотрение вопросов публикации и исследования песен антропоморфных героев, постановка проблем жанровой принадлежности медвежьей песни, уникальности текста песни в системе якутского фольклора, определение необходимости последующего имманентного анализа текста песни с его параллельным исследованием в мировоззренческом и историческом контекстах, а также в сравнительно-типологическом аспекте.

Методы исследования. Текстологическое описание рукописи народной песни проведено по схеме, разработанной на основе алгоритма научного описания Д.С. Лихачева. Методика впервые была применена при исследовании рукописных самозаписей олонхо. Кроме того, обнаруженная в единственном варианте «личная» песня медведя рассмотрена в контексте истории издания и исследования «личных» песен антропоморфных героев (народных песен с маркером «Я»), в состав которых входит это уникальное произведение.

Результаты. Установлено, что рукопись песни представляет надежную, хорошо документированную запись вербального текста народной песни *Эһэ ырыата* «Песня медведя», которая, хотя и не имеет аналогов как «личная» песня медведя в системе фольклора народов Якутии, представляет большую ценность для исследования как уникальный текст, который является одной из разновидностей «личных» песен антропоморфных героев.

Ключевые слова: достоверность источников, Вилюйская экспедиция, С.И. Боло, медвежья песня, «личные» песни антропоморфных героев¹, контекстуальный подход, научное описание рукописей

*Работа выполнена с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН № 13. ЦКП. 21. 0016.

¹Автором также используются обозначения «народные песни ырыа с маркером “Я”», «жалобные ролевые песни».

I. Введение. В архивном рукописном наследии народов Сибири и Дальнего Востока имеется большое количество фольклорных текстов, которые были зафиксированы в единственном варианте. Эти уникальные текстовые единицы, как правило, вызывают недоверие специалистов, признаются как сомнительный источник. К примеру, Ю.И. Смирновым в статье «Достоверность фольклорного текста» прямо было отмечено, что «уникальность текста (его версии) всегда вызывает подозрения в его подлинности» [Смирнов, 1991: 18]. Между тем достоверность текста, в том числе фольклорного, является одним из основных требований, выдвигаемых к исследуемому тексту, поскольку в основе научного изучения фольклора, как писал Б.Н. Путилов еще в 60-е гг. XX в., должна лежать всесторонняя текстологическая критика [Путилов, 1963]. В силу этого необходимость проверить текст на подлинность остается одной из первостепенных задач текстологии. В фольклорной текстологии идеи критического изучения фольклорных источников специально начали разрабатываться в основном на материале русского фольклора еще в советский период развития фольклористики в коллективных трудах фольклористов Ленинграда и Москвы [Принципы..., 1966; Текстологическое..., 1977], а также в диссертационных исследованиях и научных статьях таких известных ученых, как В.Я. Пропп [Пропп, 1956], Б.Н. Путилов [Путилов, 1963], Ю.И. Смирнов [Смирнов, 1991], Т.Г. Иванова [Иванова, 1991] и др. В сибирской фольклористике вопросы текстологии стали активно разрабатываться и развиваться в связи с изданием серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Кузьмина, 2016; Кузьмина, 2017]. Несмотря на достаточно активный научный интерес, вопрос уникальных текстов, их научной достоверности остается малоизученным. Эта проблема впервые была затронута в монографическом исследовании Ю.И. Шейкина на материале музыкальной культуры народов Сибири. Автор, выделяя в фольклоре народов Сибири такие виды традиции, как реликтовые, деривационные и реституционные (или возрожденные), поставил пробле-

му «уникатов», которые встречаются в рамках реликтовых практик музыкальной традиции народов Сибири [Шейкин, 2002: 8–9].

Актуальность предлагаемого исследования определяется отсутствием специальных работ, посвященных изучению вопросов научной достоверности уникальных текстов рукописного наследия народов Сибири и Дальнего Востока. Нами впервые предпринимается опыт постановки данного вопроса на примере научного описания рукописи якутской народной песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня».

Цель настоящей статьи – текстологическая критика рукописи народной песни, которая не имеет вариантов. Для этого рукописный текст проверяется на подлинность с двух сторон. Первоначально уникальный текст народной песни рассматривается в контексте истории якутской фольклористики, что делается в целях выявления укорененности текста медвежьей песни в якутские народные традиции, т.е. раскрытия идентичности произведения. Во-вторых, текст проверяется на подлинность. В связи с этим дается ее научное описание, подтверждающее научную достоверность песенного текста.

Теоретическая значимость исследования состоит в возможности переосмысления существующего представления о том, что уникальный текст является малодостоверным научным источником. Кроме того, результаты могут найти применение при уточнении понятий «уникальный документ» и «уникат» в филологической фольклористике.

Практическая значимость научного описания песенного текста заключается в том, что он позволит ввести архивную рукопись в научный оборот и стать объектом междисциплинарного изучения.

II. Материалы и методы. Материалом исследования является рукопись¹, которая еще не вошла в научный оборот и не стала объектом изучения исследователей. Она хранится в архиве Якутского научного центра СО РАН (АЯНЦ СО РАН).

В целях выявления культурной идентичности уникального текста народным традициям автором изучается история публикации и иссле-

¹ *Эһэ ырыата* «Медвежья песня». Зап. от Игнатия Григорьевича Иванова, 54 г., в Быраканском н-ге Верхневиллоуского р-на фольклористом Сэсэнном Ивановичем Боло 01.07.1938. АЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 10 об.–25 об.

дования песен антропоморфных героев. Это позволяет соотнести песню *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» с аналогичными песнопениями, героями которых являются другие животные, растения и вещи. При этом применяется метод контекстуального анализа. Этот подход позволяет понять, что песня о медведе, являясь уникальной в содержательном плане, в жанровом аспекте является частью якутских песен с антропоморфными героями, издание и изучение которых находится в эмбриональном состоянии.

III. Результаты.

Песня Эһэ ырыата «Медвежья песня» в контексте истории издания и изучения «личных» песен антропоморфных героев

В составе рукописного наследия якутского фольклора есть немалая группа песенных текстов, которую можно выделить в отдельный жанр народных песен. Речь идет о монологических сюжетно-повествовательных песнях, которые исполняются от имени растений, животных, птиц и бытовых предметов. В народе эти «личные» песни антропоморфных героев отдельно не выделялись, их обозначали общими терминами *ырыа* и *тойук*.

Образцы якутских народных песен «растений, животных и бытовых предметов» отдельным корпусом еще не издавались, но тексты песен печатались в журналах и фольклорных сборниках. Так, в первом научном двуязычном издании в томе «Песни о природе» была отдельно выделена тематическая группа «Растительный и животный мир», а в томе «Песни о труде и быте» – тематическая группа «Песни о бытовых предметах», где наряду с описательными песнями были опубликованы три текста песен растений: *Тиит ырыата* «Песня лиственницы», *Хатын тойуга* «Песня березы», *Ыарба ырыата* «Песня ерника» [Якутские народные песни, 1976: 148–156; Якутские народные песни, 1977: 292–307], одна песня птицы: *Тураах ырыата* «Песня вороны» [Якутские народные песни, 1976: 185–187] и три песни вещей: *Чороон ырыата* «Песня кубка», *Сиппиир ырыата* «Песня веника», *Чабычах ырыата* «Песня чабычаха» [Якутские народные песни, 1977: 274–291, 308–315].

Песни антропоморфных героев бытовали в репертуаре именитых певцов-олонхосутов, пере-

давались устно, певцы их считали «старинными *ырыа* и *тойук*». Они назывались по имени «героя-повествователя», указывались «авторы» песнопения: береза, лиственница, ерник; ворона, бык, медведь; коновязь, кубок-чорон, ступа, берестяная посуда-чабычах, веник. Из этих песен в вариантах записаны тексты «Песня вороны», «Песня ерника», «Песня веника» и «Песня чабычаха». Остальные песни зафиксированы по одному варианту, единичны.

Уникальной является и запись текста *Эһэ ырыата* «Песня медведя». Текст песни состоит из 443 строк, 1209 лексических единиц. Он начинается с самопредставления и сообщения медведя о том, где, почему он сделал себе берлогу и как долго длилась его спячка: *Баай тыа баһаардаах* (С рынком из богатого леса – досл. пер. С. Д.), / *Курун тыа куораттаах* (С городом из выжженного леса), / *Үөлү тыа өтөхтөөх* (С заброшенной усадьбой из хвойного леса) / *Уордаах кыыл буоламмын* (Грозным зверем будучи), / *Улахан дьоһуннаах үрэхтэр* (Великих могучих рек), / *Улахан хайаларын* (Великих гор) / *Улаба өттүгэр* (Позади), / *Онхой хайа тыатыгар* (На ложбине горного леса), / *Уу тохтообот томторугар* (На сухом пригорке), / *Уон ыйы мэлдьи* (В течение десяти месяцев) / *Утуйуом диэммин* (Думая уснуть), / *Онкуйчах, хороон хастан* (Вырыл яму, нору), / *Уон ыйы мэлдьи* (В течение десяти месяцев) / *Утуйан чунунаатым* (Впал в сон)¹. Далее медведь рассказывает о том, как он, проснувшись после спячки, напал на скот, и его добыл охотник. Затем в песне анонимным повествователем описывается, что люди нарушают табу на продажу священной шкуры, превращают ее в объект купли-продажи. Песня завершается плачем медведя.

Монографическое исследование «личных» песен антропоморфных героев еще не предпринималось. В советское время фольклористами были изучены широко распространенные в центральных и заречных районах Якутии такие народные песни, как «Песня ерника», «Песня веника» и «Песня чабычаха». Исследователи, склоняясь к идее об иносказательном характере песнопений, выявили лиро-эпический характер произведений, их монологизм, общность сюжета, наличие двух планов содержания, связь с

¹АЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 10 об.

одухотворением вещей. Так, Г.У. Эргис писал: «К песням о доле бедняков близки и некоторые песни о предметах домашнего обихода, имеющие, возможно, аллегорический смысл. Любопытна «Чабычах ырыата» («Песня про берестяную посуду»), очень распространенная в прошлом» [Эргис, 1974: 311]. Гипотезы об аллегорическом, иносказательном характере песен «растений и предметов быта» придерживался и Г.М. Васильев. Он писал о метафоричности, аллегоричности содержания таких песен, как «Песня ерника», «Песня веника», «Песня чабычаха», «Песня березы», и указал на их стереотипность: «Эти песни во многом аналогичны между собою: имеют лиро-эпический склад и в основном традиционную сюжетную линию в монологической форме» [Васильев, 1973: 73]. Превалирование концепции иносказательности в осмыслении этой группы лиро-эпических песен, кроме того, обнаруживается в статье И.В. Пухова о жизни и деятельности Екатерины Захаровой, где автор анализирует тексты песен «Песня чабычаха», «Песня веника» из репертуара народной сказительницы. Исследователь относит их к песням о вещах и акцентирует внимание на наличие в произведениях двух планов содержания, их связь с одухотворением вещей. Он констатирует, что «песни о вещах носят двухплановый характер, выражающийся в совмещении серьезного содержания с пародийно-насмешливой формой» [Пухов, 1980: 104–105].

В дальнейшем в якутской фольклористике был поставлен вопрос о ритуально-обрядовом характере «личных» песен антропоморфных героев, сделано предположение о связи песнопений с анимистическими и тотемическими воззрениями народа. Так, С.Д. Мухоплёва на основе рассмотрения отдельных текстов песен, исполняемых от имени антропоморфных героев, выдвинула предположение о существовании такого вида жалобных обрядовых песен, как «ролевая» жалобная песня, которая направлена на коммуникацию людей с духами и связана с ранними верованиями народа [Мухоплёва, 1993: 73–81; Мухоплёва, 2012], поставила вопрос о типологической близости якутских песен «бытовых предметов» с айскими *камуй юкара* на примере сравнения якутского *ырыа*

«Песня ступы» и айской *камуй юкара* «Песня богини Старой Лодки» [Muchoplewa, 2000].

Завершая экскурс в историю издания и изучения якутских традиционных песен антропоморфных героев, отметим, что текст *Энэ ырыата* «Медвежья песня», исполняемый от имени медведя, уникален в содержательном плане как Я-повествование о жизни медведя. Однако по совокупности формальных и общих содержательных свойств принадлежит к малоизученным песням антропоморфных героев.

Текстологическое описание рукописи

Первой заповедью фольклористов является тезис о том, что «в основе научного изучения фольклора должна лежать всесторонняя текстологическая критика текстов» [Путилов, 1963: 109], которая в первую очередь включает проверку подлинности, достоверности текстов. Одним из методов определения достоверности текстов является научное (текстологическое) описание рукописи.

Научные описания архивных рукописей составляются по-разному. Применительно к исследуемому автографу использован алгоритм описания, который нами был апробирован при работе с самозаписями олонхо¹ [Мухоплёва, 2015]. Он составлен на основе схемы полного научного поста-тейного описания рукописей, разработанной Д.С. Лихачевым [Лихачев, 1983: 122–124].

1) *Шифр рукописи с указанием места хранения; сведения об издании.* Рукопись песни *Энэ ырыата* «Медвежья песня» хранится в рукописном фонде АЯНЦ СО РАН среди документов Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в фонде № 5, описи № 3, единице хранения – 5, на листах 10 об.–25 об. как один из фольклорных документов первой научной экспедиции ИГиИПМНС СО РАН 1938 г., известной как «Виллойская экспедиция Саввина и Боло».

Рукопись песни, как мы уже указывали, еще не издана.

2) *Наименование единицы хранения и текста песни.* В реестре документов описи № 3 единица хранения № 5 обозначена как «Материалы Виллойской экспедиции С.И. Боло. Песни, заклинания и скороговорки. Язык долган Туруханского края по рассказам Кулятских якутов»,

¹В настоящей статье алгоритм описания рукописи скорректирован в соответствии с жанром.

что раскрывает общее содержание папки без спецификации. Заглавие описываемой нами песни «Эһэ ырыата» размещено в самом документе перед текстом песни, графически выделено и помечено собирателем номером (№ 4).

3) *Авторы языковых и фольклорных документов, собранных в единице хранения № 5 (собираатель, информанты).* Фиксатором всех материалов, в том числе песни «Эһэ ырыата», является участник Виллюйской экспедиции известный фольклорист Сэсэн Иванович Боло. Языковые материалы им записаны от 54-летнего Спиридоны Герасимовича Игнатьева, а десять фольклорных произведений, включая «Эһэ ырыата», зафиксированы из уст Игнатия Григорьевича Иванова, также 54 лет.

4) *Дата и место записи.* В единице хранения работником архива объединены записи С.И. Боло, сделанные в двух соседних районах Виллюйского региона от двух информантов. Языковой материал информанта С.Г. Игнатьева, озаглавленный «С.И. Боло. Язык долган Туруханского края по рассказам Кулятских якутов», записан 10 апреля 1938 г. в 2-м Кюлетском (Тасгарском) наслеге Виллюйского района. Со вторым информантом, знатоком фольклора И.Г. Ивановым, который жил в Быраканском наслеге Верхневиллюйского района, местности Балабаннаах, фольклорист работал в течение недели – с 1 по 7 июля 1938 г., что указано собирателем.

5) *Количество листов, тетрадей, размеры и нумерация единицы хранения, место рукописи песни в ней; наличие обложки, общее физическое состояние рукописи.* Единица хранения состоит из 77 листов¹, представляет собой папку из тонкого картона синего цвета размером 21,5 x 22 см, в которой содержатся два разных типа документа. Первый документ состоит из пяти прошитых отдельных листов школьных тетрадей в линейку. На них с лицевой стороны записаны языковые материалы со слов С.Г. Игнатьева.

Второй документ из папки являет собой сброшюрованные от руки школьные тетради для прописи в линию и косую линию с синей обложкой. На листах тетрадей увековечены следующие фольклорные материалы, которые записаны из уст И.Г. Иванова: 1) *Чабырбах* «Скороговорка»,

2) *Чабырбах* «Скороговорка», 3) *Чабырбах* «Скороговорка», 4) *Эһэ ырыата* «Медвежья песня», 5) *Дьүһэгэй ырыата* «Песня в честь божества Джюсэгэй», 6) *Эһэкээн алгыһа* «Алгыс (молитва) в честь духа медведя Эсэкээн», 7) *Ойуун олбоһор олонор алгыыр алгыһа* «Алгыс (молитва) шамана, исполняющийся на олбохе», 8) *Эһээнгэй ырыата* «Танцевальная песня (Песня эсээнгэй)», 9) *Дьахтар ырыата (Борускуо...)* «Песня женщины (Прасковьи...)», 10) *Олонхо бухатыырын дьийэтин олоһун көрүнгэ* «Вид жилища богатыря олонхо» (отрывок из олонхо). Как видно из списка, текст, который является предметом нашего изучения, записан четвертым номером после фиксации скороговорок.

Единица хранения имеет двойную нумерацию. Первичная нумерация сделана собирателем для каждого документа отдельно, в первом документе номера листов написаны чернилами, во втором – карандашом. Вторичная нумерация предпринята при формировании архивного документа, является общей для двух документов, состоит из 77 листов (так указывается в документах). Суммарные номера записаны с правой стороны листов под первичной нумерацией, отличаются инструментом записи или цветом карандаша. Так, в первом документе первичная нумерация сделана чернилами, общая – черным карандашом. Во втором документе единая нумерация выделена карандашом темно-коричневого цвета.

Документ требует реставрации: местами уголки и края бумаг иссохли, рассыпаются, на некоторых местах запись трудночитаема. Прощивка разорвалась, документы необходимо прошить заново.

6) *Формы графической передачи «поэтической фактуры текста» (сплошной стих, сплошная проза, стих и проза), количество строк на листе.* Все песенные тексты записаны стихом, в том числе текст *Эһэ ырыата* «Медвежья песня», которая состоит из 443 строк. Текст этой песни записан на обеих сторонах листов № 10 об.–25 об. На одном листе содержится от 14 до 18 строк. Разделение на стихи, думаем, требует дополнительного специального изучения.

7) *Данные о языке, орфографии, алфавите написания рукописи (бётлингговский, латиница,*

¹Подсчет листов показал, что документ фактически состоит из 78 листов. При вторичной нумерации остался не пронумерованным один лист после листа № 19, поэтому его карандашом отметили как лист № 19а.

кириллица). Записи сделаны на якутском языке с сохранением диалектных особенностей устной речи информантов, алфавит – латиница. На кириллице фольклористом записаны только паспортные данные языковых и фольклорных материалов, которые предваряют тексты.

8) *Инструмент записи (карандаш, ручка, машинопись)*. Запись языковых материалов сделана перьевой ручкой чернилами синего цвета, кроме названия и первых двух строк записи. Последние записаны черными чернилами. Все фольклорные материалы зафиксированы карандашом черного цвета.

9) *Оформление единицы хранения (титульный лист, оглавление, предисловие, послесловие, комментарии, объяснения слов)*. Единица хранения сформирована архивными работниками, состоит из двух документов, подготовленных собирателем. В силу этого каждый документ, и языковой, и фольклорный, наделены своими заглавными листами, оформленными фольклористом С.И. Боло, из доступных в тот момент материалов. Так, языковые материалы С.Г. Игнатьева предваряются белым листом и отрывком обложки тетради, которые составляют титульный лист документа. На них указаны собиратель, название материала, дата записи, количество листов. В фольклорных материалах И.Г. Иванова сведения об информанте, месте и времени записи, количестве листов даны на обложке тетради. Дизайн тетрадной обложки примечателен с исторической точки зрения. Обложка синего цвета, с портретом И.В. Сталина и надписью на латинице «САССР 15 сыла».

Языковой материал и каждый фольклорный текст, кроме отрывка олонхо, имеет свой комментарий, который дается после текста. К примеру, С.И. Боло записал уточняющие данные о жизни информанта С.Г. Игнатьева, чтобы удостовериться в его надежности как знатока долганского языка. При работе со вторым информантом И.Г. Ивановым он выяснял у него историю введения устного произведения в его репертуар, записывал историю бытования зафиксированного произведения. В итоге было установлено, что рассматриваемая нами песня *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» И.Г. Ивановым была услышана еще в 1919 г. в исполнении слепого пев-

ца из другого наслега. В результате многократного прослушивания этой песни информант запомнил и перенял ее, затем стал исполнять сам.

Фольклорные материалы в конце документа снабжены словарем устаревших и диалектных слов под названием «Словарь особенностей слов», составленный фольклористом непосредственно по ходу записи. Он содержит 26 слов. Словарный материал этого документа С.И. Боло остался неиспользованным при составлении диалектологических словарей [ДСЯЯ, 1976: 387–391; ДСЯС, 1995: 292–294]. Между тем информационная возможность текста песни как словарного и этнографического источника бесценна и требует отдельного изучения. К примеру, архаическое слово *туһулук*, которое в сунтарском говоре и долганском языке имеет значение *туһс таһаһа* ‘нагрудник’ [ДСЯЯ, 1976: 252], в песне используется как эвфемизм, обозначает *эһэ тыһырыллар хаһата* ‘набрюшный жировой слой у медведя’¹, что не отражено в словарях.

В конце отметим, что единица хранения является частью собранного материала Вилуйской экспедиции 1938 г. С.И. Боло и А.А. Саввина, поэтому она не имеет отдельного оглавления, предисловия и послесловия.

10) *Характеристика почерка, всех отметок, правок и записей с воспроизведением важнейших (записей, касающихся передачи другому владельцу, цены рукописи) и с указанием почерка и листов, на которых они сделаны («правка другим почерком», «приписки тем же почерком на л.» и т. п.)*.

Записи на папке сделаны архивариусом от руки чернилами синего и черного цветов, а отдельные сведения записаны синим, красным и черным карандашами. Сверху на левой стороне папки указаны прежние (Оп. 31/2) и нынешние шифры (Фонд № 5. Опись № 3. Ед. хр. № 5), написанные чернилами синего цвета, кроме современных цифровых данных документа. Они начертаны карандашом красного цвета. На правой стороне верхней части указаны совладелец документа «Отдел фольклора» и его собственник «Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР». В середине документа обращает на себя внимание перечеркнутая запись «Дело № 30», написанная крупными буквами каранда-

¹Словарь особенностей слов. АЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 76–77.

шами синего и черного цветов. Под ней идет название единицы хранения, состоящее из двух элементов: имени фольклориста собирателя («С. Боло»), обозначения группы записей («За-клипания, песни и скороговорки»). Элементы заглавия папки расположены друг под другом, написаны чернилами синего цвета. Ниже, на левой стороне папки, имеется штамп владельца «Рукописный фонд Научной библиотеки Як. филиала АН СССР» и пометка от руки «Инв. 897». Внизу папки с левой стороны находится перечеркнутая запись с указанием прежнего объема документа в листах «На 106 листах». Нынешний объем документа «На 77 листах» указан сверху в середине документа. Помета сделана чернилами черного цвета, подчеркнута волнистой линией.

Текст песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» записан С.И. Боло карандашом. Его же почерком сделана первоначальная нумерация листов. Кроме того, на листах № 12, 12 об., 13 об., 14 об., 15 в текст песни собирателем вставлены знаки сноски под № 6–8, 9, 11–12, 14–16. Сноски сделаны к диалектным словам, к которым дается объяснение в словаре, размещенном в конце фольклорных записей. На пятнадцатом листе прямой линией карандашом подчеркнута строка со словами «Соллох-соллох ыстаатылар». На листе № 25 сбоку почерком собирателя вписаны строки «Икки мөһөөх харчытын / Сиэбиттэн ылан биэрдэ», которые, по всей вероятности, были пропущены во время записи. На листах, кроме записей С.И. Боло, имеются отметки, сделанные архивариусом. Так, в верхнем левом углу листа № 10 об. поставлена галочка коричневым карандашом и подчеркнутая запись «Инв. № 6», а на листе № 20 с правой стороны в середине листа поставлен штамп владельца «Рукописный фонд Научной библиотеки Як. филиала АН СССР».

В заключение заметим, что рукописные материалы Сэсэна Боло, одного из зачинателей якутской полевой фольклористики, вызывают полное доверие якутских специалистов. Начало признанию научных заслуг собирателя положил основатель якутской фольклористики Г.У. Эргис, посвятив собирательской деятельности участников Вилюйской экспедиции отдельный раздел под названием «Собиратели С.И. Боло и А.А. Саввин» в своей знаменитой работе [Эргис, 1974: 79–83]. Смысл же проведенного нами текстологического описания рукописи заключа-

ется в документальном опровержении сомнений относительно научной достоверности уникальной записи песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня», вербальный текст которой нам предстоит исследовать и подготовить к публикации.

IV. Обсуждение. Проблема достоверности уникальных фольклорных записей народов Сибири и Дальнего Востока возникает в связи с двумя причинами. С одной стороны, как показывает материал якутского фольклора, среди архивных и изданных фольклорных текстов имеется большое количество уникальных текстов без вариантов. С другой стороны, уникальные документы вызывают недоверие как научный материал. В связи с этим в настоящей статье нами рассмотрен не вошедший в научный оборот уникальный архивный документ *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» с точки зрения его научной достоверности, подлинности.

По ходу работы в первую очередь выяснилась неразработанность понятий «уникальный документ» и «уникат» в филологической фольклористике. Слово «уникальный» специалистами используется как синоним слова «единственный, без вариантов» и не является термином. Что касается второго понятия «уникат», то оно применительно к традиционному фольклору народов Сибири впервые было употреблено музыковедом Ю.И. Шейкиным. Термин выделяет в составе традиционного фольклора слои артефактов – уникатов (интонаций, жанров или инструментов) в рамках «реликтовой нормы фольклора». В рассматриваемом труде в качестве уникатов музыковед выделяет только инструменты (арфу у обских угров, пластичный варган у народов Саян) [Шейкин, 2002: 9]. Уникаты, как указывает автор, могут «оказаться остатками культуры исчезнувшего этноса, которые как бы растворились в новом этническом образовании» [Там же: 8–9]. Тезис Ю.И. Шейкина о многоуровневости фольклорной практики интонационно-акустических культур Сибири, где выделяется слой уникатов, следует уточнить и развить в ходе дальнейших исследований уникальных фольклорных записей народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе текста *Эһэ ырыата* «Медвежья песня». Это станет возможным, если будет составлен перечень «уникальных записей» и «уникатов» фольклора народов Сибири и Даль-

него Востока, и они будут введены в научный оборот и практическое исследование.

Кроме того, следует думать о терминологическом использовании словосочетания «уникальный документ», «уникальная запись» в рамках сибирской фольклористики. При этом целесообразно использовать наработанный опыт архивоведов, выделивших критерии уникальных фольклорных документов. В архивоведении уникальный документ – это «особо ценный документ, не имеющий себе подобных по содержащейся в нем информации и (или) внешним признакам, невозполнимый при утрате с точки зрения его значения и (или) автографичности» [УНИКАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ, 2009]. Такой документ архивистами включается в Государственный реестр особо ценных документов и должен соответствовать целому ряду критериев¹. Среди них: 1) древность документа, 2) отношение документа к историческому событию, 3) отношение документа к исторической личности, 4) юридическое значение документа, 5) художественные и оформительские особенности документа. Эти критерии применяются, как указано в приказе, лишь при условии соответствия документа еще четырем критериям: подлинности, беспорности культурно-исторической значимости, публичности и высокой материальной ценности. Первый критерий – древность документа – является самостоятельным и не требует применения каких-либо других критериев. Четыре следующих критерия (подлинности, беспорности культурно-исторической значимости, публичности и высокой материальной ценности) должны применяться, что также обозначено в приказе, в совокупности ко всем остальным документам, не отнесенным к древним, но относящимся хотя бы к одному из последующих четырех критериев: отношение документа к историческому событию, отношение документа к исторической личности, юридическое значение документа, художественные и оформительские особенности документа, каждый из которых применяется лишь в совокупности с группой предыдущих четырех критериев.

В итоге отметим, что уникальная запись не может обладать таким свойством, как вариатив-

ность. Поэтому постулирование вариативности как обязательного признака устного текста приводит к недооценке безвариантных текстов как объекта исследования, что нежелательно при изучении фольклора народов Сибири. Существенное значение будут иметь составление перечня уникальных текстов и уникалов, имманентный анализ каждого произведения, исследование последнего в жанровом, мировоззренческом и историческом контекстах, а также в сравнительно-типологическом аспекте.

V. Заключение. Рассмотрение рукописи *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» в контексте истории издания и изучения «личных» песен антропоморфных героев продемонстрировало, что песня, уникальная в содержательном плане, укоренена в системе якутского фольклора и, являясь «личной» песней медведя, принадлежит к типу народных песен *ырыа* с маркером «Я», которые еще не стали предметом специального исследования.

Проведенное текстологическое описание текста песни прежде всего показало научную достоверность фольклорной записи устного текста. Описание рукописи подтверждает соответствующее оформление паспорта текста, которое требуется при фиксации фольклорного произведения. Так, имеется информация о собирателе, указаны время и место фиксации фольклорного произведения, даны сведения об информаторе. Кроме того, запись снабжена примечанием и словарем. Запись документирована и хранится в научном архиве.

Во время первой научной экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН знаменитый фольклорист С.И. Боло, в задачи которого не входил сбор песенного материала, зафиксировал уникальную песню *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» у известного устного певца И.Г. Иванова. Эта песня имеет аналогии с медвежьими песнями угро-самодийских народов и может быть изучена не только имманентно, в мировоззренческом и историческом контекстах, в сравнительном плане, но и как уникал, как один из артефактов «самодийского следа в якутской культуре» [Бравина, 2020], несмотря на то, что она записана в един-

¹Основные критерии определения уникальных документов // Приказ Росархива от 09.10.2001 № 75 «Об утверждении Регламента Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации и организации работы по его созданию». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97749 (дата обращения: 18.07.2022)

ственном варианте. Полагаем, нам удалось доказать научную достоверность уникального документа *Энэ ырыата* «Медвежья песня».

Список литературы:

Бравина Р.И. Самодийский след в якутской культуре // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич: Сборник научных статей. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2020. С. 102–106.

Васильев Г.М. Живой родник: об устной поэзии якутов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1973. 115 с.

Иванова Т.Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор: Научные издания. Т. 26. Проблемы текстологии фольклора. Л.: Наука, 1991. С. 5–21.

Кузьмина Е.Н. Основные научные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 5–12.

Кузьмина Е.Н. Современная методология в издании фольклорных произведений // I Сибирский форум фольклористов: Тезисы докладов. Новосибирск: Академиздат, 2016. С. 26–27.

Лихачев Д.С. Составление научных описаний рукописей // Текстология: на материале рус. лит. X–XVII вв. Л., 1983. С. 110–124.

Мухомлёва С.Д. Олонхо «Юрюнг Юёдойээн, имеющий трех сестер-красавиц Айыы»: от устного бытования до издания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1/2 (44). С. 143–145.

Мухомлёва С.Д. Песни фито- и зооморфных тотемов и вопросы субъектного синкретизма // Природа и культура: Материалы межд. научной конференции: в 2-х ч. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2012. Ч. 1. С. 141–145.

Мухомлёва С.Д. Якутские народные обрядовые песни (система жанров). Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская изд. фирма, 1993. 112 с.

Принципы текстологического изучения фольклора: Сб. ст. [Отв. ред. Б.Н. Путилов]. М.–Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1996. 303 с.

Пропп В.Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. Вып. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 196–206.

Путилов Б.Н. Современная фольклористика и проблемы текстологии // Русская литература. 1963. № 4. С. 100–114.

Пухов И.В. Традиционное и новое в песнях Екатерины Ивановой // От фольклора к литературе: Статьи о фольклоре и литературе. Якутск: Кн. изд-во, 1980. С. 95–121.

Смирнов Ю.И. Достоверность фольклорного текста // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: Сборник научных трудов. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. С. 6–22.

Текстологическое изучение эпоса: Сб. ст. [Отв. ред. В.М. Гацак, А.А. Петросян]. М.: Наука, 1977. 231 с.

УНИКАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ // Словари и энциклопедии на Академике. 2009. URL: <https://clerical-work.academic.ru> (дата обращения: 18.07.2022)

Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 403 с.

Якутские народные песни. Ч. 1. Песни о природе. Якутск, Кн. изд-во, 1976. 230 с.

Якутские народные песни. Ч. 2. Песни о труде и быте. Якутск: Кн. изд-во, 1977. 422 с.

Muchoplewa Ś.D. „Pieśń bóstwa” jako typ narracji w pieśniach wypowiedzianych w imieniu „Ja” bohatera (Przyczynek do typologii gatunków folkloru Ajnów i Jakutów – Sacha). In: Literature Ludowa. 2000. №6 (44). Pp. 49–58.

Словари:

ДСЯЯ 1976 – Диалектологический словарь якутского языка [Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев]. М.: Наука, 1976. 392 с.

ДСЯС 1995 – Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том [Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев]. Новосибирск: ВО «Наука», 1995. 296 с.

References:

Bravina R.I. Samodiyskiy sled v yakutskoy kul'ture [The Samoyed trace in the Yakut culture]. *Narody i kul'tury Severnoy Azii v kontekste nauchnogo naslediya G.M. Vasilevich: Sbornik nauchnykh statey*. [Peoples and cultures of North Asia in the context of scientific heritage G.M. Vasilevich: Collection of scientific articles]. Yakutsk: the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020. Pp. 102–106. (In Russian)

Dialektologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka. Sostaviteli P.S. Afanas'ev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev [Dialectological Dictionary of the Yakut Language. Compiled by P.S. Afanas'ev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev]. Moscow: Science Publ., 1976. 392 p. (In Russian)

Dialektologicheskiy slovar' yazyka Sakha: Dopolnitel'nyy tom. Sostaviteli M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasil'ev [Dialectological Dictionary of

the Sakha Language: Additional volume. Compiled by M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasil'ev]. Novosibirsk: Science Publ., 1995. 296 p. (In Russian)

Ergis G.U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on the Yakut folklore]. Moscow: Science Publ., 1974. 402 p. (In Russian)

Ivanova T.G. Spetsifika fol'kloristicheskoy tekstologii [The specifics of folklore textology]. *Russkiy fol'klor: Nauchnye izdaniya. Tom 26. Problemy tekstologii fol'klora* [Russian folklore: Scientific publications. Volume 26. Problems of textual criticism of folklore]. Leningrad: Science Publ., 1991. Pp. 5–21. (In Russian)

Kuz'mina E.N. Osnovnye nauchnye printsipy publikatsii fol'klornykh proizvedeniy (na materiale tomov serii "Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka") [The main scientific principles of the publication of folklore works (based on the volumes of the series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East")]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2017. № 1. Pp. 5–12. (In Russian)

Kuz'mina E.N. Sovremennaya metodologiya v izdaniy fol'klornykh proizvedeniy [Modern methodology in the publication of folklore works]. *I Sibirskiy forum fol'kloristov: Tezisy dokladov* [First Siberian Forum of Folklorists: Abstracts]. Novosibirsk: Academic Publ. house, 2016. Pp. 26–27. (In Russian)

Likhachev D.S. Sostavlenie nauchnykh opisaniy rukopisey [Compilation of scientific descriptions of manuscripts]. *Tekstologiya: na materiale rus. lit. X–XVII vv.* [Textology: on the material of Russian literature of the 10–17th centuries]. Leningrad, 1983. Pp. 110–124. (In Russian)

Muchoplewa S.D. „Pieśń bóstwa” jako typ narracji w pieśniach wypowiedzianych w imieniu „Ja” bohaterów (Przyczynek do typologii gatunków folkloru Aynów i Jakutów – Sacha) [“Song of the deity” as a type of narration in songs spoken on behalf of the hero's “I” (Contribution to the typology of genres of Ainu and Yakut folklore – Sakha)]. *Literature Ludowa* [Folk Literature]. 2000. № 6 (44). Pp. 49–58. (In Poland)

Mukhopleva S.D. Olonkho “Yuryung Yuyedyueen, imeyushchii trekh sester-krasavits Aiyy”: ot ustnogo bytovaniya do izdaniya [Olonkho “Yuryung Yuedyueen, having three beautiful sisters Aiyy”: from oral existence to publication]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and practice]. 2015. № 2-1 (44). Pp. 143–145. (In Russian)

Mukhopleva S.D. Pesni fito- i zoomorfnykh totemov i voprosy sub'ektnogo sinkretizma [Songs of phyto- and zoomorphic totems and questions of subjective syncretism]. *Priroda i kul'tura: Materialy mezhd. nauchnoy konferentsii: v 2-kh ch.* [Nature and culture: Materials int. Scientific conference: In 2 parts (Yakutsk, June 13–15, 2012)]. Yakutsk: NEFU Publ., 2012. Part 1. Pp. 141–145. (In Russian)

Mukhopleva S.D. *Yakutskie narodnye obryadovye pesni (Sistema zhanrov)* [Yakut folk ritual songs (system of genres)]. Novosibirsk: Science Publ., Siberian publ. comp., 1993. 112 p. (In Russian)

Printsipy tekstologicheskogo izucheniya fol'klora: Sb. st. Otvetstvennii redaktor B.N. Putilov. [Principles of textual study of folklore: Collection of articles. Managing editor B.N. Putilov]. Moscow-Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1996. 303 p. (In Russian)

Propp V.Ya. Tekstologicheskoe redaktirovanie zapisey fol'klora [Textological editing of folklore records]. *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian folklore. Materials and research]. Issue 1. Moscow-Leningrad: Publ. of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. Pp. 196–206. (In Russian)

Putilov B.N. Sovremennaya fol'kloristika i problemy tekstologii [Modern science of folklore and problems of textology]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1963. № 4. Pp. 100–114. (In Russian)

Pukhov I.V. Traditsionnoe i novoe v pesnyakh Ekateriny Ivanovoy [Traditional and new in the songs of Ekaterina Ivanova]. *Ot fol'klora k literature: Stat'i o fol'klore i literature* [From folklore to literature: Articles about folklore and literature]. Yakutsk: Book. Publ., 1980. Pp. 95–121. (In Russian)

Smirnov Yu.I. Dostovernost' fol'klornogo teksta [Reliability of the folklore text]. *Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: Sbornik nauchnykh trudov* [Folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East: Collection of scientific works]. Yakutsk: YSC SB RAS, 1991. Pp. 6–22. (In Russian)

Sheykin Yu.I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of the Musical Culture of the Peoples of Siberia: A Comparative Historical Study]. Moscow: Eastern Literature, 2002. 718 p. (In Russian)

Vasil'ev G. M. Zhivoy rodnik: ob ustnoy poezii yakutov [The living fountain: about the oral poetry of the Yakuts]. Yakutsk: Yakutsk Publ., 1973. 115 p. (In Russian)

Tekstologicheskoe izuchenie epasa: Sb. st. [Textological study of the epic: Collection of articles]. Managing editors V.M. Gatsak, A.A. Petrosyan. Moscow: Science Publ., 1977. 231 p. (In Russian)

UNIKAL'NYY DOKUMENT [UNIQUE DOCUMENT]. Dictionaries and encyclopedias at Academician. 2009. URL: https://clerical_work.academic.ru (date of access: 18.07.2022)

Yakutskie narodnye pesni. Ch. 1. Pesni o prirode. [Yakut folk songs. Part 1. Songs about nature] Yakutsk: Book Publ., 1976. 230 p. (In Yakut and Russian)

Yakutskie narodnye pesni. Ch. 2. Pesni o trude i byte [Yakut folk songs. Part 2. Songs about work and life]. Yakutsk: Book Publ., 1977. 422 p. (In Yakut and Russian)

S.D. Mukhopleva

Manuscript of the Yakut Folk Song *Ehe Yryata* “Bear Song” as a Unique Document

Scientific novelty. The article for the first time provides a scientific description of the folk song manuscript which was recorded by the folklorist S.I. Bolo during the Vilyui expedition in 1938 and has not yet entered into scientific circulation. A textual description and study of the history of the creation of an archival document is an absolute necessity due to the fact that the text of a song in the folklore system of the peoples of Yakutia is a unique document. *The aim* of the article is devoted to the development of one textual problem of folklore, in connection with which the author had a specific aim – to show the scientific authenticity of the unique document under study through its scientific description. Because of this, the meaningful part of the handwritten text of *Ehe Yryat* “Bear Song” is only touched upon by us. *The tasks* included considering the issues of publishing and researching the songs of anthropomorphic heroes, posing the problems of the genre of the bear song, the uniqueness of the song text in the system of Yakut folklore, determining the need for subsequent immanent analysis of the song text with its parallel study in the ideological and historical contexts, as well as in a comparative typological context aspect. *Research methods.* The textual description of the folk song manuscript was carried out according to the scheme developed on the basis of the algorithm of scientific description by D.S. Likhachev. The research methodology was first applied in the study of handwritten self-recordings of Olonkho. Differing in the content aspect, the analyzed song text is simultaneously included in the general group of songs of anthropomorphic heroes (folk songs with the marker “I”). This allowed us to consider the text in the context of the history of publication and research of this category of songs.

Results. It has been established that the manuscript of the song is a reliable, well-documented record of the verbal text of the folk song. *Ehe Yryata* “Bear Song”. The song has no analogues in its content in the system of folklore of the peoples of Yakutia, but is of great value for research as a unique text. The song is one of the varieties of “personal” songs of anthropomorphic heroes.

Keywords: reliability of sources, Vilyui Expedition, S.I. Bolo, bear songs, “personal” songs of anthropomorphic heroes, contextual approach, scientific description of manuscripts